

УДК 343.13

ДОМАШНИЙ АРЕСТ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Геранин Виталий Владимирович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Мальцева Светлана Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Возвращение домашнего ареста в сферу уголовно-процессуальной деятельности вызвало всплеск интереса к данной мере пресечения со стороны не только правоприменителей, но и ученых. Домашний арест по замыслу разработчиков Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) задумывался как разумная альтернатива заключению под стражу: свойственные ему правоограничения позволяют достигать аналогичных целей, при этом, с одной стороны, реализуя принцип экономии репрессии, а с другой – расходуя значительно меньшие материальные и финансовые ресурсы, рационально используя человеческие. На первоначальном этапе применения домашнему аресту как мере процессуального принуждения не были чужды недостатки и пробелы в правовом регулировании (за время действия УПК РФ в ст. 107 внесено 11 изменений и дополнений), а также неоднократные попытки со стороны ученых глубже уяснить его правовую природу. В статье приводится авторское видение сущности рассматриваемого процессуального института с позиции теории права.

Ключевые слова: уголовный процесс, домашний арест, меры пресечения, правовая природа, уголовно-процессуальные правоотношения

HOUSE ARREST: THE CONCEPT AND LEGAL NATURE

Geranin V.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Maltseva S.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The return of house arrest to the sphere of criminal procedural activity caused a surge of interest in this measure of restraint on the part of not only law enforcement officers, but also scientists. According to the developers of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, house arrest was conceived as a reasonable alternative to detention: the legal restrictions inherent in it allow achieving similar goals, while, on the one hand, implementing the principle of economy of repression, on the other hand, spending significantly less material and financial costs, rationally using human resources. At the initial stage of application, house arrest was not alien to shortcomings and gaps both in the legal regulation of this measure of procedural coercion (11 amendments and additions were made to Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and repeated attempts by scientists to understand its legal nature more deeply. The authors of this work present their vision of the essence of the considered procedural institution from the standpoint of the theory of law.

Keywords: criminal process, house arrest, preventive measures, legal nature, criminal procedure relations

DOI 10.21777/2587-9472-2023-4-30-35

Домашний арест – новая старая мера пресечения российского уголовного процесса, известная отечественному законодательству еще с XVII в. По ряду причин она не вошла в число мер пресекательного характера, применявшихся в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК) РСФСР 1960 г., и получила новую жизнь только с принятием действующего УПК РФ¹ в 2001 г.

Несмотря на немалую историю и опыт применения, домашний арест пока не играет той роли, которая ему отводилась согласно концепции разработчиков УПК РФ 2001 г. Он задумывался как достаточно приемлемая альтернатива заключению под стражу, позволяющая осуществлять изоляцию предполагаемых преступников от общества, при этом не расходуя на их содержание значительных материальных и финансовых ресурсов (только техническое обеспечение). Однако ряд правовых, организационных и технических проблем, с которыми столкнулся правоприменитель, все еще не позволяют домашнему аресту достойно соперничать с заключением под стражу, которое остается одной из наиболее часто применяемых мер пресечения и одновременно наиболее жесткой из них.

В принципе, домашний арест возродился там и тогда, где и когда для этого появились благоприятные обстоятельства, а именно цифровизация всех сфер общественной жизни в целом и уголовного судопроизводства в частности [1, с. 94–95], что привело к ряду нововведений в реализации данной меры: высокотехнологичный инструментарий сегодня позволяет организовать эффективный мониторинг и контроль за подозреваемыми и обвиняемыми, находящимися в условиях домашнего ареста. В связи с этим можно отметить и расширение процессуальной нормативной базы после принятия Правительством РФ Постановления от 18 февраля 2013 г. № 134 (далее – Постановление № 134)².

В настоящее время домашний арест представляет собой одну из мер процессуального принуждения, а именно – меру пресечения, предусмотренную ст. 107 УПК РФ. По уровню содержащихся в ней правоограничений общего статуса гражданина данная мера лишь немногим уступает заключению под стражу. Их объединяет, прежде всего, фактическое лишение гражданина свободы (передвижения, выбора места пребывания, выхода за указанные пределы), соответственно, законодатель не счел возможным наделение дознавателя или следователя возможностью ее избрания, предоставив это право исключительно суду. Стремлением установить дополнительные гарантии подозреваемым или обвиняемым законодатель обусловил ее применение рядом дополнительных факторов. Например, на основании медицинских показаний фактическое пребывание лица, содержащегося под домашним арестом, допускается не в месте его постоянного проживания, а в медицинском учреждении, оказывающем ему лечебную помощь. В некоторых случаях во внимание может приниматься и семейный статус. Суд при этом должен убедиться в том, что домашний арест нельзя заменить любой иной – более мягкой – мерой пресечения [2, с. 67].

В приведенном случае начинает действовать общее для уголовного и уголовно-процессуального законодательства правило – приоритетом при избрании меры наказания и пресечения обладает наиболее мягкая из них. Судья вправе принять решение единолично, но при участии в процессе дознавателя или следователя, подозреваемого (обвиняемого) и его адвоката. Данное решение может быть принято на основании соответствующего ходатайства, которое должно иметь мотивированный характер, т.е. представлять доказательства, указывающие на недопустимость назначения мер пресечения, стоящих выше в иерархической лестнице.

В научной литературе домашний арест обобщенно приравнивается к запрету покидать жилище либо к «тюрьме на дому» [3, с. 28]. Законодатель предполагает, что под воздействием правоограничений лицо, находящееся под домашним арестом, не имеет возможности ни скрыться от правосудия, ни оказать неправомерное воздействие на других участников процесса. Можно с уверенностью утверж-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

² О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: постановление Правительства Российской Федерации: [от 18 февраля 2013 г. № 134 (ред. от 15 ноября 2018 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 8. – Ст. 838.

дать, что в качестве превентивной меры домашний арест способен решать те же задачи, что стоят и перед заключением под стражу, не подвергая ограничениям основополагающие права человека. Главная отличительная особенность домашнего ареста здесь проявляется в том, что при лишении подозреваемого или обвиняемого свободы не происходит изоляции личности от общества, что, напротив, имманентно присуще одноименному виду уголовного наказания (лишению свободы) или мере пресечения в виде заключения под стражу.

Все преимущества домашнего ареста не предустановлены *a priori*. Иными словами, они проявляются лишь при условии обеспечения соответствующего контроля за локацией лица, находящегося под надзором [4, с. 262]. Соответственно, эффективность и целесообразность наличия в уголовно-процессуальном законодательстве подобной меры напрямую зависят от фактора контроля. Контроль, в свою очередь, может быть осуществлен либо установлением круглосуточного поста, либо использованием электронных средств оперативной идентификации локации лица. В первом случае примерно наполовину снижается экономический эффект от замены содержания под стражей домашним арестом, поскольку приходится выделять необходимое количество сотрудников правоохранительных органов и устанавливать круглосуточные посты с целью предупреждения нарушения подконтрольным лицом установленных ему правоограничений.

При избрании той или иной меры пресечения дознаватель (следователь) или суд изначально нацеливается законодателем на экономию репрессии, однако не только ее. Эффективность используемой меры пресечения оценивается с позиции, с одной стороны, затраченных средств, а с другой – достигнутого результата. При таком соотношении аудиовизуальный и технический инструментарий, перечень и порядок применения которого предусмотрены Постановлением № 134, существенно опережают результативность постового надзора.

В отличие от непосредственного контроля (с участием сотрудников на посту), электронные инструменты не способны пресечь нарушения условий домашнего ареста, хотя этого и не требуется. Их задача состоит в том, чтобы зафиксировать нарушение и уведомить об этом соответствующее должностное лицо. Вместе с тем здесь вступает в силу правило соотношения цены и качества: расходы на приобретение и обслуживание технических средств (если учитывать достаточно длительный период и массовое применение) многократно ниже тех, которые бы пришлось произвести на оплату труда сотрудников многочисленных круглосуточных постов (даже если бы удалось принять на службу столько сотрудников). Кроме того, домашний арест, как правило, избирается лицам, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, за которые суд не счел возможным применить заключение под стражу, т.е. менее общественно опасных. Само нарушение условий домашнего ареста не несет для общества той угрозы, которую, например, представляет собой побег из-под стражи. Соответственно, и реагирование на такое нарушение допустимо не мгновенное, а спустя какое-то время, после выяснения причин и всех обстоятельств.

Хотя доля применения домашнего ареста относительно невелика (в 2022 г. из числа удовлетворенных ходатайств она составила 7,5 % от всех мер пресечения, применяемых только с разрешения суда³), его включение в систему мер процессуального принуждения является очевидным индикатором гуманизации карательной политики государства.

Несмотря на то, что домашний арест применяется с начала действия УПК РФ, проблемы его назначения и применения продолжают оставаться актуальными как для исследователей, так и для правоприменителей. В попытках выяснения причин, не позволяющих существенно расширить объем применения рассматриваемой меры пресечения, некоторые исследователи углубляются в теоретико-правовые аспекты уголовно-процессуального права, в частности в раскрытие сущности домашнего ареста с позиции права, т.е. его правовой природы.

Несмотря на частое употребление словосочетания «правовая природа» в научных работах, его правильное и точное использование продолжает оставаться дискуссионным [5, с. 23]. Так, рассуждая о сути

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. Раздел 4. – URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_go-dovaya/F1-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 04.09.2023). – Текст: электронный.

данного правового явления, В.А. Захаров утверждает, что это вопрос об отраслевой принадлежности норм, которыми данные отношения регулируются [6, с. 52]. Возражая ему, Е.Г. Комиссарова полагает, что разделяющие данное утверждение авторы пытаются выявить то, «чего на самом деле определять и не требуется», поскольку «вопрос об отраслевой принадлежности норм уже является решенным» [5, с. 24].

На наш взгляд, проблема определения отраслевой принадлежности правоотношений, как и норм, их регулирующих, продолжает оставаться актуальной, а необходимость их размежевания сохраняется.

Домашний арест, согласно ст. 107 УПК РФ, относится к мерам пресечения, которые в своей совокупности составляют субинститут такого института уголовно-процессуального права, как меры процессуального принуждения. На первый взгляд, не должно вызывать сомнения, что как нормы, регулирующие названный институт, так и складывающиеся в процессе его применения правоотношения однозначно относятся к уголовно-процессуальному праву и законодательству. Однако, по мнению многих авторов, все не так очевидно, в частности Р.А. Гарипова полагает, что «... в основе домашнего ареста лежит хитросплетение гражданско-правовых и административных правоотношений» [7, с. 136]. В.В. Олейник, поддерживая ее точку зрения, считает, «что изначально основанием для применения домашнего ареста служат уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, в развитии которых не менее значимая роль отведена уголовно-исполнительным правовым отношениям» [8, с. 153].

Трудно согласиться с приведенными и другими авторами, которые в связи со спецификой и объективной сложностью определения содержания уголовно-процессуальных правоотношений, уяснения круга их участников, соотношения прав-обязанностей между ними безосновательно расширяют круг правоотношений, относящихся к уголовно-процессуальным, соответственно, размывая их.

В науке уголовно-процессуального права уголовно-процессуальные отношения относятся к одному из наиболее дискуссионных вопросов. Причина состоит в том, что, как справедливо подчеркивает профессор В.А. Головкин, «... классическая доктрина правоотношений, выработанная общей теорией права на основании гражданского обязательственного права с присущей ему дихотомией взаимоотношения двух частных лиц (кредитора и должника), не может быть механически перенесена на уголовно-процессуальную почву»⁴. Проводя анализ содержания уголовно-процессуального правоотношения, автор указывает, что в них, помимо привычных участников отношений – управомоченного и обязанного лица, являющихся обладателями прав и обязанностей, составляющих содержание правоотношений, входит общество (государство). В таком случае привычное соотношение, когда каждому субъективному праву одного субъекта корреспондирует юридическая обязанность другого субъекта (и наоборот), нарушается. В результате совершения преступления субъектом уголовно-процессуального правоотношения становимся все мы – общество, как обладатель права на объективное расследование и вынесение справедливого приговора. Именно общество становится обладателем субъективного права, которому корреспондирует юридическая обязанность следователя возбудить уголовное дело, особенно когда потерпевший еще не выявлен либо таковым является само государство. Специфика уголовно-процессуального правоотношения как раз и проявляется в том, что само общество, не обладая правосубъектностью, не может непосредственно отстаивать свои интересы. В таком случае оно делегирует свои права специально создаваемым и наделенным на это властными правами государственным органам и должностным лицам, вступая в правоотношения опосредованно, как-бы находясь за пределами «сцены».

Можно предположить, что, обосновывая домашний арест «хитросплетением» гражданско-правовых и административных правоотношений, Р.А. Гарипова отождествляет меры процессуального принуждения, предусматриваемые разд. IV УПК РФ, с аналогичными по названию мерами, установленными ст. 116 Кодекса административного судопроизводства РФ⁵. Принудительными по своей сущности (но не по названию) являются также меры, закрепленные в ст. 159 Гражданского процессуального кодекса РФ⁶.

Причина, по которой нельзя согласиться с приведенной точкой зрения, связана с предметом правового регулирования, уникальным для каждой отрасли права и законодательства. Предметом уголов-

⁴ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. – 2-е изд., испр. – Москва: Статут, 2017. – С. 107.

⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: [от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

ного процесса охватываются только те общественные отношения, которые складываются в результате совершенного преступления и в общем виде направлены на его расследование, выявление и справедливое наказание виновного. Соответственно, к уголовно-процессуальному законодательству относятся только те нормативные акты, которые регулируют уголовно-процессуальные отношения.

Таким образом, каким бы сложным ни казалось «хитросплетение» правовых норм, регулирующих домашний арест, они не относятся и не могут в принципе относиться ни к гражданскому, ни к административному праву, поскольку являются порождением исключительно уголовно-процессуального права и законодательства.

Ошибочной, на наш взгляд, представляется и позиция В.В. Олейника, полагающего, что уголовно-процессуальные отношения при применении домашнего ареста реализуются через уголовно-исполнительные. Если бы речь шла об исполнении какого-либо вида уголовного наказания, его реализация действительно была бы возможна только с использованием уголовно-исполнительных правоотношений. В данном же случае мы имеем дело с институтом исключительно уголовно-процессуального права – мерой процессуального принуждения. Тот же факт, что контроль за лицами, которым назначен домашний арест, осуществляют учреждения Федеральной службы исполнения наказаний России (уголовно-исполнительные инспекции)⁷, не свидетельствует о том, что в этот период реализуются уголовно-исполнительные правоотношения. Нужно сказать, что это заблуждение не является новым. Аналогичную ошибку допускают и авторы, полагающие, что следственные изоляторы (как и уголовно-исполнительные инспекции, входящие в уголовно-исполнительную систему), реализуя меру пресечения в виде заключения под стражу, действуют в рамках уголовно-исполнительных правоотношений.

Напомним, что уголовно-процессуальные отношения «возникают лишь после получения правоохранительными органами информации о совершенном или якобы совершенном преступлении»⁸ либо в случаях, когда права и свободы любого лица существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица⁹. Уголовно-исполнительные же правоотношения возникают с момента вступления в силу обвинительного приговора суда, и только после этого специальный правовой статус обвиняемого (подсудимого) замещается правовым положением осужденного, а уголовно-процессуальные отношения уступают место уголовно-исполнительным (не завершаясь окончательно).

Следовательно, нормы, регулирующие основания, содержание и порядок применения домашнего ареста, относятся исключительно к уголовно-процессуальному законодательству, как и в целом рассматриваемая мера является составной частью института уголовно-процессуального права.

Список литературы

1. *Марковичева Е.В.* Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // *Правосудие/Justice*. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 86–99.
2. *Папанян Р.Г.* Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе // *Научные исследования*. – 2016. – № 9. – С. 66–67.
3. *Воронов Д.А.* Домашний арест: современное состояние и перспективы // *Научный вестник Омской академии МВД России*. – 2013. – № 4. – С. 28–32.
4. *Назаров В.Н.* Российская практика домашнего ареста как меры пресечения в истории государства // *StudNet*. – 2020. – № 12. – С. 258–264.

⁷ Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России: [от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.08.2023). – Текст: электронный.

⁸ *Гаврилов Б.Я., Крымов В.А.* Уголовно-процессуальные правоотношения в досудебном производстве: учеб. пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – С. 15.

⁹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 30 июня 2015 г. № 29] // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. – 2015. – № 9.

5. Комиссарова Е.Г. Формально-логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 23–27.
6. Захаров В.А. Создание юридических лиц: правовые вопросы: монография. – Москва: Норма, 2002. – 202 с.
7. Гарипова Р.А. Меры пресечения: закон и практика // Символ науки. – 2016. – № 1. – С. 136–137.
8. Олейник В.В. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе на современном этапе // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1. – С. 153–160.

References

1. Markovicheva E.V. Cifrovaya transformaciya rossijskogo ugovolnogo sudoproizvodstva // Pravosudie/Justice. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 86–99.
2. Papanyan R.G. Domashnij arest kak mera presecheniya v ugovolnom processe // Nauchnye issledovaniya. – 2016. – № 9. – С. 66–67.
3. Voronov D.A. Domashnij arest: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2013. – № 4. – С. 28–32.
4. Nazarov V.N. Rossijskaya praktika domashnego aresta kak mery presecheniya v istorii gosudarstva // Stud-Net. – 2020. – № 12 – С. 258–264.
5. Komissarova E.G. Formal'no-logicheskie aspekty ponyatiya "pravovaya priroda" // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – 2012. – № 2. – С. 23–27.
6. Zaharov V.A. Sozdanie yuridicheskikh lic: pravovye voprosy: monografiya. – Moskva: Norma, 2002. – 202 s.
7. Garipova R.A. Mery presecheniya: zakon i praktika // Simvol nauki. – 2016. – № 1. – С. 136–137.
8. Olejnik V.V. Domashnij arest kak mera presecheniya v ugovolnom processe na sovremennom etape // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2018. – № 1. – С. 153–160.